

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ
МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НАРКОЛОГИИ имени В.П. СЕРБСКОГО»

**«О НЕПРАВОМЕРНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ
ПОКАЗАНИЙ ПУТЁМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»**

Информационное письмо

Утверждено Научно-методическим советом
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России
(Протокол № 6 от «15» июня 2016 года)

Утверждено Ученым советом
ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского»
Минздрава России
(Протокол № 7 от «20» июня 2016 года)

Москва, 2016

Настоящее информационное письмо подготовлено в связи с растущим числом обращений следователей и вынесением постановлений о назначении психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям допросов и продиктовано необходимостью упорядочить экспертную практику, касающуюся исследования видеоматериалов проведения отдельных следственных действий с различными субъектами уголовного процесса.

В информационном письме рассматриваются возможности назначения таких экспертиз и основания проводимых исследований, в соответствии с научными принципами профессиональной деятельности экспертов.

Письмо подготовлено под руководством директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного работника юстиции России С.А. Смирновой и заместителя генерального директора по научной работе ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России доктора медицинских наук, профессора Е.В. Макушкина, доктором юридических наук А.Я. Аснисом, доктором психологических наук Е.В. Васькэ, доктором психологических наук профессором Е.Г. Дозорцевой, доктором психологических наук профессором Ф.С. Сафуановым, кандидатом юридических наук доцентом С.Н. Шишковым, кандидатом психологических наук доцентом С.С. Шипиным, кандидатом психологических наук доцентом Д.С. Ошевским, кандидатом медицинских наук Д.В. Бердниковым, кандидатом юридических наук доцентом Т.Н. Секераж, кандидатом юридических наук А.Н. Калининой.

Для следователей, судей, прокуроров, руководителей федеральных бюджетных учреждений Минюста России, судебных психологов.

Научная дискуссия о надежности свидетельских показаний и о возможности их использования в судебной практике была начата еще в начале XX века на этапе зарождения юридической психологии. Одной из ключевых работ этого периода стало исследование В. Штерна «Показание как результат умственной работы и продукт допроса: экспериментальное исследование школьников» (1904). В последующие годы эта тема, как чрезвычайно важная для принятия правильных судебных решений, продолжала пользоваться вниманием ученых и практиков.

Исследования, выполненные зарубежными учеными на эмпирическом материале, привели к созданию методического подхода к оценке достоверности (правдоподобности) показаний детей. Но в дальнейшем область применения этого метода была расширена на показания свидетелей и потерпевших любого возраста. К настоящему периоду в отечественной экспертной практике традиционной и обязательной является судебно-психологическая либо комплексная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего или свидетеля, «когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания» (ст. 196 УПК РФ).

Разработка методологии судебной психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) способности подэкспертного давать показания в российской судебной психологии (Коченов М.М., 1977; Морозова М.В., 1995, 2009, 2016; Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф., 2012) позволила сформулировать несколько базовых положений, лежащих в настоящее время в основе экспертной практики. К ним, в частности, относится выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля и др.) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также установление влияющих на эти феномены факторов.

Так, потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов, и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях. На актуальную возможность влияют фактор возраста и соответствующего психического развития (если подэкспертным является ребенок), индивидуально-психологические (личностные) особенности, а также специфика ситуации. Данные факторы имеют динамический характер, а ситуация рассматривается как развивающаяся от криминального эпизода до времени дачи показаний.

В результате комплексного исследования потенциальной способности и актуальной возможности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, с учетом выделенных факторов делаются экспертные выводы о наличии указанных способностей и возможности в их ограничении либо нарушении. При этом сами показания специальному анализу для установления их правдоподобности не подвергаются.

Вместе с тем, практическая потребность в подобном анализе существует как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Поэтому проблема экспертной оценки способности давать показания в рамках уголовного дела, а также возможность оценивать в этом контексте сами показания, требуют всестороннего и самого пристального анализа.

Как известно, определение достоверности показаний относится к компетенции суда. Ряд российских специалистов в области юридической психологии высказываются в пользу проведения соответствующих психологических исследований, в том числе экспертных, для информирования сотрудников органов предварительного следствия и судей о том, содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности» (Ситковская О.Д., 2001, 2007).

В последнее время в российской экспертной практике начинают появляться и сами судебные экспертизы свидетельских показаний, нацеленные на выявление «признаков психологической достоверности». Так, В.Ф. Енгальчев, Т.К. Кравцова и Е.Н. Холопова (2016) в своей книге «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков

достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» делают попытку методологически обосновать методику анализа достоверности свидетельских показаний по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предлагая использовать анализ содержательных особенностей показаний, поведения и эмоциональных проявлений подэкспертного, его индивидуально-психологических особенностей, «ведущей мотивации и системы мотивов при даче показаний по делу» (с.86). Однако, признать эту попытку успешной нельзя.

В качестве обоснования данной методики авторы приводят различные концепции и методические подходы как отечественных (Л.Б. Филонов, В.П. Белянин и др.), так и зарубежных (А. Врай, П. Экман, М. Штеллер, Г. Кёнкен, В.А. Шаповалов) авторов. Несмотря на то, что В.Ф. Енгальчев с соавторами приводят различные системы анализа поведения и эмоций, якобы позволяющие дифференцировать ложные и истинные высказывания, возможности такой дифференциации не имеют экспериментального обоснования.

Так, в структуру данной «частной экспертной методики» входят: психологический анализ материалов уголовного дела; психологический анализ коммуникативного взаимодействия подэкспертного с фигурантами видеозаписи и определение «фонового» состояния допрашиваемого лица; психологический анализ вербальных и невербальных проявлений подэкспертного и его психоэмоционального состояния; сравнительный анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного об обстоятельствах, имеющих уголовно-релевантное значение, и его невербального реагирования.

Таким образом, основой экспертной методики является анализ вербальных и невербальных составляющих показаний, где одно из центральных методических средств - «оценка валидности утверждений». В книге ее авторство почему-то приписывается У. Ундойчу, хотя последнему принадлежит лишь гипотеза о качественных различиях показаний, основанных либо не основанных на пережитом субъектом опыте, а также первоначальный опыт ее проверки на практике. В действительности авторами данной методики (в оригинале она носит название «Анализ качества высказываний») являются немецкие психологи М. Штеллер и Г. Кёнкен, предложившие ее в 1989 г.

В.Ф. Енгальчев и его соавторы апеллируют к иностранному опыту на основе информации из книги А. Врая (в издании - О.Фрай). Однако, как сам А. Врай (2005), так и другие психологи, в том числе Г. Кёнкен (2010, 2015), выступают против использования контент-анализа содержания показаний и выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. Точность дифференциации воспроизведения «пережитых» и «не пережитых» событий при этом хоть и составляет от 70 до 90%, но она недостаточна для принятия однозначного экспертного решения, тем более, если оно имеет инкриминирующее значение. Как пишут Г. Кёнкен и его соавторы, «оценка валидности утверждений... не является психометрическим тестом, а представляет собой процедуру генерирования и проверки гипотез относительно происхождения утверждений» (Kohnken G. et al., с. 14); «К сожалению, не существует методов, которые могли бы быть применены для различения между ложными и истинными воспоминаниями, поскольку их характеристики не всегда разнятся» (там же, с. 16).

В англоязычной литературе нет ссылок на то, что подобная процедура используется в экспертной практике, в то же время ее применение рекомендуется при расследовании дела, особенно на первых стадиях следствия для выдвижения основных версий.

Экспертные исследования свидетельских показаний на основе видеозаписей за рубежом выполняются в полном объеме только в немецкоязычном регионе (ФРГ, Австрия, Швейцария), где в течение последних 60 лет и шла разработка методов оценки показаний. При этом весьма существенные изменения экспертная практика в этой области претерпела за последние 15 лет после громких скандальных судебных процессов (Вормские процессы), когда Верховный суд ФРГ принял ряд методических ограничений для подобного рода экспертиз.

Так, например, экспертный вопрос имеет принципиальную «обратную» постановку - в нем изначально постулируется несоответствие показаний реальности, а задача эксперта состоит в поиске доказательств, опровергающих эту гипотезу. Кроме того, речь идет об исследовании не показаний, а психической деятельности свидетеля, обладающего определенными качествами (компетентностью): «Мог ли этот свидетель с данными индивидуальными характеристиками при данных условиях опроса и с учетом возможных в конкретном случае влияний со стороны третьих лиц дать эти конкретные показания, без того, чтобы они основывались на реальных переживаниях?» (Volbert R., 2014).

Для проведения экспертизы устанавливаются и определенные условия: особые требования к характеру проведения допроса, использование только первичных показаний. Подчеркивается, что применение контент-анализа показаний имеет смысл только при предположении о том, что свидетель сознательно обманывает следствие. В случаях же добросовестного заблуждения «признаки достоверности» неприменимы, тогда как эксперт должен выяснить и эти обстоятельства.

Проведенный анализ текста книги В.Ф. Енгальчева и соавторов показал, что эти требования и ограничения авторами не учитывались, в связи с чем говорить об адекватном использовании ими оригинальной методики не представляется возможным.

Более того, немецкие исследователи выступают против применения в экспертных целях анализа невербальных признаков «достоверности» информации. Так, Г. Кёнкен (2010) называет мифом утверждения о том, что особенности поведения лгущего отличают его от говорящего правду, представляя убедительные данные о том, что успешность такой дифференциации не отличается от случайной. Как известно, и данные П. Экмана о микровыражениях лица также к настоящему времени не имеют эмпирического подтверждения. В связи с этим, считаем преждевременным включать анализ невербального поведения в экспертное исследование.

Представленный авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» метод «Стоп-кадр», по их утверждению, «призван решать идентификационную задачу, сопряженную с отождествлением субъекта, являющегося подэкспертным, и решать диагностическую задачу, связанную с выявлением сенсорно-очевидных признаков невербального (поведенческого) и психоэмоционального характера и их фиксацией - для запечатления в статике» (с. 202). В.Ф. Енгальчев с соавторами предлагают зафиксированные признаки невербальных реакций и мимических проявлений субъекта, на которые эксперты ссылаются в тексте своего заключения, отображать с скриншотами в фототаблице, что, по их мнению, «наглядно иллюстрирует идентификационную значимость отдельно взятого признака и их совокупность» (с. 202). В качестве примера авторами «для наглядности в монографии представлены фотографии, выполненные методом «Стоп-кадр» (скриншоты) из заключений экспертов, выполненных по разным уголовным делам в различное время» (с. 202), к которым, со ссылкой на работу Д.

Фаста «Язык тела. Азбука человеческого поведения» (с. 207), следуют короткие комментарии: жест «рука к лицу», глаза в пол, ерзанье, стряхивание напряжения с рук, плотно сжатый рот, глубокий вздох, негативные эмоции, закрытие рта, сглатывание, заикание и др. (с.203-206). При этом авторы поясняют, что «в целях снижения вероятности экспертных ошибок субъективного характера представленная видеозапись (в том числе и зафиксированные с помощью метода «Стоп-кадр» поведенческие и эмоциональные проявления) оцениваются каждым из экспертов независимо от другого эксперта и только в контексте «целостной модели поведения» (с. 207). Полученные экспертами результаты сопоставляются, и анализируются только те выявленные признаки, которые не вызывают ни у одного из экспертов сомнений» (с. 207). Однако, даже при вышеприведенных «оговорках» авторов, предложенный ими метод «Стоп-кадр» никоим образом не может претендовать на научную обоснованность, в связи с чем, его использование в экспертной практике недопустимо.

При анализе материала, представленного в книге В.Ф. Енгальчева и соавторов, нельзя обойти вниманием и тот эмпирический материал, который должен иллюстрировать действенность предлагаемого ими методического подхода. Так, в приложении приводится описание дела несовершеннолетнего (13 лет) потерпевшего С. Максима, который дает показания о якобы имевшем место сексуальном злоупотреблении со стороны отца. На основе анализа материалов уголовного дела, а затем и очного обследования, эксперт-психолог делает вывод о наличии у С. Максима «признаков диссоциального нарушения личности» и «псевдологии (лживости)». Тем самым эксперт не только выходит за пределы своей компетенции («диссоциальное расстройство личности» и «псевдология» - клинические диагнозы, которые могут быть поставлены только врачом-психиатром), но и демонстрирует незнание того обстоятельства, что расстройство личности может быть диагностировано не ранее 16-17-летнего возраста. При очном обследовании подростка используется и содержательно трактуется тест Люшера, тогда как валидизации этой методики, в частности, для подростковой популяции, нет, и применение «толкований» различных сочетаний цветов по отношению к ребенку недопустимо. Субъективностью отличаются и трактовки различных поведенческих проявлений С. Максима при даче им показаний.

Необходимо отметить и тот факт, что, представляя свою «частную экспертную методику», наряду с некорректной или неверной трактовкой концептуальных позиций ряда авторов (У. Ундойча. А. Врая. Г. Кёнкена и

др.), авторы книги неоднократно не только ссылаются, но и обширно цитируют практиков из среды предпринимателей, что вызывает большие сомнения в научной обоснованности предлагаемых ими методов экспертного исследования. Так, например, в качестве обоснования своей позиции авторами цитируются следующие речевые конструкции:

- «Существует закономерность во взаимосвязи служебного положения человека и его лексикона: чем выше на социальной лестнице находится человек, тем больше он общается с помощью речи, в то время как менее образованные люди больше полагаются на жесты» (см.: Спирица, Е.В. Теория лжи: кратко о сложном: курс лекций / Е.В. Спирица. - М.: Международная Академия исследования лжи, 2011.-С. 265;

- «Самый верный признак лжи был только у сказочного персонажа Пиноккио. Когда он говорил неправду, его нос удлинялся. Отсюда и пошел жест прикосновения к носу, который так и называется "синдром Пиноккио"» (см.: Спирица, Е. В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // Материалы семинара-тренинга для специалистов-полиграфологов : тренинг «Оперативная психодиагностика людей : как узнать всю правду про собеседника за 3 мин» / Е.В. Спирица. - Екатеринбург, 2012. -С.300) и т.д.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, предлагаемый авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» методический подход является эклектичным и научно необоснованным.

Установление же достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной), как авторы предлагают в книге, на научной основе в настоящий момент невозможно по следующим основаниям.

Общепринято, что предметом судебно-психологического экспертного исследования является в общем плане психическая деятельность подэкспертного лица, имеющая юридическое значение и влекущая определенные правовые последствия. Авторами книги (с. 69-70) утверждается, что частным предметом экспертизы достоверности показаний является «информация, получаемая от объекта видеозаписи, воспроизводимая им в устно-речевой или письменно-речевой формах (содержательные особенности показаний) и имеющая уголовно-релевантное

поведение...». Общим предметом экспертизы, по мнению авторов (с.69), являются «коммуникативная ситуация (следственное действие либо оперативно-розыскное мероприятие), коммуникативная деятельность участников оперативного или следственного действия и особенности взаимодействия между субъектами, запечатленными на видеозаписи». Определение общего и частного предметов экспертного исследования и их соотношение вызывает серьезные сомнения.

Во-первых, следственные и оперативно-розыскные мероприятия не могут выступать в качестве предмета психологической экспертизы.

Во-вторых, нельзя соотносить воспроизводимую подэкспертным информацию как со следственными и оперативно-розыскными действиями, так и с коммуникативной деятельностью допрашиваемого, т.к. оценка достоверности содержательной стороны показаний подразумевает, по версии авторов, и диагностику содержания сознания подэкспертного, что в настоящее время с позиций научной психологии невозможно.

Авторы, при попытке развести «юридическую» и «психологическую» достоверность показаний, утверждают, что психологическая достоверность - это «свойство показаний, характеризующее степень соответствия сообщаемой допрашиваемым информации событиям (явлениям), *воспринятым* им в юридически значимой ситуации. Недостоверность же представляет собой противоположное достоверности свойство показаний, то есть несоответствие сообщаемой информации *воспринятым* допрашиваемым событиям» (с.78). Однако, диагностика содержания сознания (даже если оно имеет юридическое значение, как например при решении вопроса о понимании обвиняемым в изнасиловании беспомощного состояния потерпевшего) никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет (это же относится и к полиграфологическому исследованию).

Авторы книги понимают «юридическую достоверность» судебного доказательства только как его соответствие другим доказательствам: «достоверность доказательства проверяется его сопоставлением с другими доказательствами. Обнаружение противоречивых, взаимоисключающих сведений говорит о недостоверности каких-то из доказательств. Исходя из этого, одним из основных качеств «юридической достоверности» является ее непротиворечивость другим собранным по делу доказательствам» (с. 77). Таким образом, при подобном «понимании» установление следователем

(судом) «юридической» достоверности доказательства фактически сведено исключительно к его сопоставлению с другими с целью выявления их противоречивости либо непротиворечивости.

Данный подход является необоснованным, что подтверждается следующим.

Во-первых, он не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела». Следовательно, оценка достоверности должна производиться в отношении каждого доказательства в отдельности, а все они оцениваются в совокупности друг с другом, чтобы оценить их достаточность для разрешения дела. К лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ). Эксперта в этом перечне нет.

Во-вторых, предлагаемая авторами концепция «юридической» и «психологической» оценки достоверности показаний перекладывает оценку их содержательной стороны на экспертов, вопреки тому, что содержательную оценку каждого доказательства УПК РФ отнес к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. По логике авторов монографии, субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты.

Экспертные исследования свидетельских показаний - чрезвычайно сложная область экспертной практики, требующая от экспертов особой ответственности и профессионализма. Дальнейшие исследования в этой сфере необходимы. Однако, это не является основанием для применения в экспертной практике непроверенных, не основанных на убедительных научных данных методов и «частных экспертных методик». В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт должен проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Таким образом, учитывая положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно.

Список литературы:

1. Васю Е.В. Особенности проведения судебно-психологических экспертиз в ходе предварительного расследования: Практическое пособие. - Н. Новгород: Г УВД по Нижегородской области, 2007. - 71 с.
2. Васькэ Е.В., Виноградов А.П. Судебно-психиатрические, судебно-психологические и комплексные с ними экспертизы: особенности назначения и проведения в ходе предварительного следствия: Учебно-методическое пособие. - Н. Новгород: СУ СК РФ по Нижегородской области, 2016.-88 с.
3. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология 2015. Т. 4. № 3. С. 47-56.
4. Дозорцева Е.Г., Жбанкова О.В., Гаврилова Т.В. Комплексная методика допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера // Практическое пособие по проведению допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера (в печати).
5. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. - М.: Юрлитинформ, 2016. - 328 с.
6. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания II Медицинская и судебная психология: Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2009. С. 506—527.
7. Сафуанов Ф.С. Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994, № 3, С.50-54.

8. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы)/ Ф.С. Сафуанов // Законность, № 2, 1992. С. 13-14.
9. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство «Юрайт», 2014. 421 с.
10. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: Научно-методическое пособие. М.:Юнити-Дана, 2001. 72 с.
11. Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний: Научно-методическое пособие. М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. - 80 с.
12. Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2005. - 320 с.
13. Фрай О. Ложь. Три способа выявления лжи. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2006. 286 с.
14. Холевчук А.Г. Криминалистический анализ зарубежных методов детекции лжи: тенденции и определение перспектив// Инновации в науке / Сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. № 1 (50). Часть I. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 124 с.
15. Amado B.G., Arce R, Farina F. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review. The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2015. Vol. 7. N9. 1. pp. 3 - 12.
16. Anson DA, Golding SL, Gully K.J. Child sexual abuse allegations: Reliability of criteria-based content analysis // Law and Human Behavior. 1993. Vol. 17. N93. pp. 331 - 341.
17. Arntzen F. Psychologie der Zeugenaussage. System cler Glaubwürdigkeitsmerkmale. München: Beck, 1983. 171 p.
18. Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style / Santtila P., Roppola H., Runtti M., Niemi P. // Psychology, Crime and Law. 2000. Vol. 6. № 3. pp. 159-179.
19. Bauer P.J., Wewerka S.S. Saying is revealing: Verbal expression of event memory in the transition from infancy to early childhood / P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (eds.) Developmental spans in event comprehension and

representation: Bridging fictional and actual events. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. pp. 139- 168.

20. Boychuk T. Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse: A field-based validation study / Unpublished doctoral dissertation, Arizona State University. 1991.

21. Brown JM. Statement Validity Analysis / J.M. Brown, E.A. Campbell The Cambridge Handbook of Forensic Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. pp. 319 - 326.

22. Bruner J., Haste H. Making sense: The child construction of reality. New York: Methuen, 1987.

23. ColewellK, Hiscock C.K..Memnon A. Interviewing techniques and the assessment of statement credibility / Applied Cognitive Psychology. 2002. Vol. 16. № 3. pp. 287-300. doi: 10.1002/acp.788.

24. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis / Sporer S., Blandon-Gitlin I., Masip J., Hauch V. // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4-7 August 2015). Abstracts. 2015. p. 238.

25. Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis / Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. // Applied Cognitive Psychology. 2014. Vol. 28. № 1. pp. 79-90. doi: 10.1002/acp.2959.

26. Criteria-based Content Analysis of True and Suggested Accounts of Events / Blandon-Gitlin I., Pezdek K., Lindsay D.S., Hagen L. // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23. № 1. pp. 901 -917. doi: 10.1002/acp.1504.

27. Criterion-Based Content Analysis: A field validation study / Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W., Hershkowitz I., Orbach Y., Hovav M. // Child Abuse and Neglect. 1997. Vol. 21. № 3 pp. 255-264. doi: 10.1016/S0145-2134(96)00170-6.

28. Detecting Deception in Children: Event Familiarity Affects Criterion-Based Content Analysis Rating / Pezdek K., Morrow A., Blandon-Gitlin I., Goodman G.S., Quas J.A., SaywitzK.J..Bidrose S., Pipe M.-E., Rogers M..Brodi L. // Journal of Applied Psychology. 2004. Vol. 89. №1. pp. 119 - 126. doi: 10.1037/0021-9010.89.1.119.

29. Dettenborn H., Frohlich H.-H., Szewczyk H. Forensische Psychologie Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.
30. Fivush R Haden C.A. Narrating and representing experience: Preschoolers' developing autobiographical recounts / In P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (Eds.) Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1997. pp. 169-198.
31. Goodman G.S. Commentary: On stress and accuracy in research on children's testimony / J. Doris (Ed.) The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 77 - 82.
32. Halfmann E., Sporer S.L. Belief in Context: Effects of suspect preparation time on belief about Scientific Content Analysis // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany. 4-7 August 2015). Abstracts. 2015. p. 92 - 93.
33. Honts C. R. Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994 // North Dakota Law Review. 1994. Vol. 70. pp. 879-903.
34. Interviewer questions and content analysis of children's statements of sexual abuse / Craig R.A., Scheibe R., Raskin D.C., Kircher J.C., Dodd D. // Applied Developmental Science. 1999. Vol. 3. № 5. pp. 77-85.
doi:10.1207/s1532480xads0302_2.
35. Kohnken G Statement Validity Analysis and the detection of the truth / In P.A. Granhag, L.A. Stromwall (hds.) The detection of deception in forensic context. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. pp. 41 - 63.
36. Kohnken G. Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen)Aussagen / N. Saimeh (Hrsg.) Kriminalitätsbiographisches Scheitern. Forensik als Lebenshilfe? Bonn: Psychiatrie-Verlag. 2010. S. 50-62.
37. Kohnken G., Manzanero A.L., Scott M.T. Statement validity assessment: myths and limitations // Anuario de Psicología Jurídica. 2015. N° 25. pp. 13-19.
doi: 10.1016/j.apj .2015.01.004.
38. Lamers-Winkelmann F., Buffing F. Children's testimony in the Netherlands: A study of statement validity Analysis // International perspectives on child abuse and children's testimony: Psychological Research and law. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996. pp. 45 - 62.
39. Moston S. How children interpret and respond to questions: situation sources of suggestibility in eyewitness interviews II Social Behavior. 1990. № 5. pp. 155 - 167.

40. Nelson K Event knowledge and cognitive development / K. Nelson (Ed.) Event knowledge: Structure and functions in development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. pp. 1-19.
41. Nelson K. Remembering and telling: A Developmental story // Journal of Narrative and Life History. 1991. №1. pp. 109- 127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi.
42. Parker A.D., Brown J. Detection of deception: Statement Validity Analysis as a means of determining truthfulness or falsity of rape allegations // Legal and Criminological Psychology. 2000. Vol. 5. №2. pp. 237 - 259. doi: 10.1348/135532500168119.
43. Raskin DC Esplin P.fV. Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children's statements of sexual abuse // Behavioral Assessment. 1991. Vol. 13. pp. 265-291.
44. Reliability of criteria-based content analysis of child witness statements / Horowitz S.W., Lamb M.E., Esplin P.W, Boychuk T.D., Krispin O., Reiter-Lavery L. // Legal and Criminological Psychology. 1997. Vol. 2. № 1. pp. 11 - 21. doi: 10.1112044-8333.1997.tb00329.x.
45. Ruby C.L., Brigham J.C The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations // Psychology, Public Policy, and Law. 1997. Vol. 3. № 4. pp. 705-737. doi: 10.1037/1076-8971.3.4.705.
46. Steller M..Kohnken C Criteria-Based Content Analysis / In D. C. Raskin (Ed.), Psychological methods in criminal investigation and evidence. New York: Springer-Verlag, 1989. pp. 217 - 245.
47. The relationships among interviewer utterance type, CBCA scores and the richness of children's responses / Herschkowitz 1., Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W. // Legal and Criminological Psychology. 1997. Vol. 2. № 2. pp. 169 - 176. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00341.x.
48. Volbert R., Hoff K., Lehmann R. Criteria-Based Content Analysis: Empirical analysis of diagnostic value and latent structures // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4-7 August 2015). Abstracts. 2015. p. 268.
49. Volbert R., Steller M. Glaubhaftigkeit / T. Bliesener, F. Losel, G. Kohnken (Hrsg.) Lehrbuch der Rechtspsychologie. Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. S. 391 -407.

50. Vrij A. Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2005. Vol. 11. № 1. pp. 3-41. doi: 10.1037/1076-8971.11.1.3.

51. Wells GI., Loftus E.F. Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique / In J. Doris (Ed.), *The suggestibility of children's recollections*. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 168-171.

52. Wojciechowski B. Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 - 7 August 2015)*. Abstracts. 2015. p. 292 - 293.